

Жорж Санд

Она и он

Перевод с французского
Анны Тетеревниковой

ФТМ

Жорж Санд

Она и он

«ФТМ»

1859

Санд Ж.

Она и он / Ж. Санд — «ФТМ», 1859

ISBN 978-5-4467-3562-4

Известнейший, во многом автобиографичный роман выдающейся французской писательницы о любви, в которой всегда есть Она – сама Жорж Санд и Он – поэт Альфред де Мюссе. История, которая в свое время потрясла весь парижский свет, одновременно проста и сложна: двое влюбленных едут в Италию, но не находят там счастья, а переживают трагедию взаимного непонимания и тягостный для обоих разрыв. Но смысл романа не исчерпывается конфликтом характеров, ведь оба героя – талантливые художники, и это вводит в роман проблему творческой личности и законов творчества.

ISBN 978-5-4467-3562-4

© Санд Ж., 1859

© ФТМ, 1859

Содержание

I	10
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Жорж Санд

Она и он

© Перевод. А. Н. Тетеревникова, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

Мадемуазель Терезе Жак

Дорогая Тереза, – вы ведь позволили мне не называть вас «мадемуазель», – сообщаю вам новость, важную для всего «артистического круга», по выражению Бернара, нашего друга. Смотрите-ка! Получилось складно, но вот в том, что я вам сейчас расскажу, уже не будет ни складу ни ладу.

Представьте себе, что вчера, когда, наскучив вам своим визитом, я вернулся домой, я застал у себя какого-то английского милорда... Впрочем, может быть, и не милорда, но, во всяком случае, англичанина, который обращается ко мне на своем тарабарском наречии:

– Вы есть художник?

– Yes, милорд.

– Вы пишете лицо?

– Yes, милорд.

– И руки?

– Yes, милорд; и ноги также.

– Вот это хорошо!

– Очень хорошо!

– О, я уверен! Вы хотите сделать мой портрет?

– Ваш портрет?

– А почему нет?

Эти слова «А почему нет?» были произнесены так добродушно, что я перестал считать его идиотом, тем более что этот сын Альбиона – великолепный мужчина. Голова Антиноя на плечах... на плечах англичанина; греческая скульптура эпохи расцвета; слегка необычно только то, что она одета в современный костюм, а галстук на ней – образец последней британской моды.

– Право же, – сказал я, – вы, несомненно, прекрасная модель, и я с удовольствием написал бы с вас этюд, просто так, для себя, но портрет ваш я написать не могу.

– А почему?

– Потому что я не портретист.

– О!.. Разве во Франции нужно покупать патент на тот или иной жанр в искусстве?

– Нет, но публика не позволяет нам работать в разных жанрах. Она хочет знать, какого мнения ей держаться на наш счет, в особенности если мы молоды; вот я, например, тот самый, с кем вы сейчас разговариваете, – я еще очень молод, и если бы я имел несчастье написать с вас удачный портрет, то на

следующей выставке мне было бы очень трудно добиться успеха в каком-либо ином жанре: решили бы, что у меня нет к этому способностей и что я слишком самонадеянно взялся не за свое дело.

Я наговорил моему англичанину еще много подобной чепухи, от которой я вас избавлю, а он, слушая меня, таращил глаза, а потом расхохотался, и я тут ясно увидел, что мои доводы внушают ему глубокое презрение если не к Франции, то к вашему покорному слуге.

– Скажите прямо, – сказал он, – вам не нравится писать портреты.

– Как! Вы что, за валлийца меня принимаете? Скажите лучше, что я еще не решаюсь писать портрет и что я не смог бы его написать, потому что одно из двух: либо это жанр, который исключает все остальные, либо это совершенное мастерство и, так сказать, вершина таланта. Иные художники, не способные создать ничего своего, могут со сходством и приятностью копировать живую натуру. Таким успех обеспечен, лишь бы они умели представить свою модель в самом выгодном для нее свете и ухитрились одеть ее к лицу и в то же время по моде; но если вы всего лишь скромный художник, пишущий на исторические сюжеты, если вы еще только ученик и талант ваш признан далеко не всеми – а как раз таким учеником я имею честь быть, – тогда нельзя бороться с профессионалами. Признаюсь, я никогда добросовестно не изучал складки черного фрака и особенности какого-нибудь определенного лица. Я только бедный изобретатель поз, типов и выразительных фигур, нужно, чтобы все это отвечало моему сюжету, моей идее, если хотите, моей мечте. Если бы вы позволили мне одеть вас по моему вкусу и сделать вас частью задуманной мною композиции... Но, впрочем, из этого тоже ничего бы не вышло, это были бы не вы. Этот портрет нельзя было бы подарить вашей возлюбленной... а тем более вашей супруге. Ни та, ни другая вас не узнали бы. А поэтому не требуйте от меня сейчас того, что я, возможно, и смогу сделать когда-нибудь, если из меня вдруг получится Рубенс или Тициан, потому что тогда я смогу остаться поэтом и творцом, легко и без робости передавая могучую и величественную действительность. К сожалению, из меня, пожалуй, выйдет только безумец или глупец. Почитайте фельетоны господ тех-то и тех-то.

Только не подумайте, Тереза, что я сказал моему англичанину хоть что-нибудь из того, что я вам пишу: когда передаешь свою речь в письме, всегда приукрашаешь ее; но все, что я мог сказать ему, извиняя свое неумение писать портреты, было сказано впустую, за исключением этих слов: «Почему, черт возьми, вы не обратитесь к мадемуазель Жак?»

Он три раза повторил: «О!», после чего спросил у меня ваш адрес и тут же ушел, не сказав больше ни слова, а я, не имея возможности закончить свои рассуждения о портрете, сконфузился и рассердился, потому что в конце концов, милая Тереза, если эта скотина, этот красавец англичанин пойдет к вам сегодня, – а я думаю, с него это станется, – и если он перескажет вам все, только что мною написанное, то есть все, что я ему наговорил о «ремесленниках» и великих мастерах, что вы тогда подумаете о вашем неблагодарном друге? Что он причисляет вас к первым и считает вас способной писать только красивенькие портреты, которые всем нравятся! Ах, милый друг, если бы вы слышали все, что я сказал ему о вас после того, как он уже ушел!.. Вы это знаете, вы знаете, что для меня вы не мадемуазель Жак, та, что пишет «похожие» портреты, которые теперь в большой моде. Для меня вы мужчина высшего порядка, переодевшийся женщиной, который никогда не

учился в Академии, однако уже в поясном портрете угадывает сам и позволяет угадывать другим все тело и всю душу оригинала, так, как это делали великие скульпторы античности и великие художники Возрождения. Но я умолкаю: вы не любите, когда вам говорят то, что о вас думают. Вы делаете вид, что принимаете это за комплименты. Вы очень горды, Тереза.

Сегодня, сам не знаю почему, на меня напала хандра. Утром завтрак был такой невкусный... С тех пор как у меня появилась кухарка, я ем ужасно невкусно. И теперь не достать хорошего табаку. Акцизное управление нас просто отравляет. А потом мне принесли новые сапоги, которые совсем не годятся... А потом идет дождь... А потом... почему я знаю, что потом? Вам не кажется, что с некоторых пор дни так тянутся, словно ты сидишь без куска хлеба? Нет, вам-то это не кажется. Вы не знаете ни этого томления, ни этих приевшихся развлечений, ни этой пьянящей скуки, ни этой тоски без названия, о которой я говорил вам как-то вечером в той маленькой сиреневой гостиной, где бы я хотел быть сейчас, потому что здесь у меня так мало света, что нельзя работать, а раз я не могу работать, я с удовольствием пришел бы побеседовать с вами, даже рискуя вам надоесть.

Итак, я вас сегодня не увижу! У вас невыносимая родня, она похищает вас у самых лучших ваших друзей! Значит, сегодня вечером мне придется совершить какую-нибудь непроходимую глупость!.. Вот к чему привела ваша доброта ко мне, мой дорогой старший товарищ. Я становлюсь таким глупым и ничтожным, когда не вижу вас, что мне обязательно нужно забыть, даже рискуя возмутить вас. Но не беспокойтесь, я не стану рассказывать вам, как провел вечер.

Ваш друг и покорный слуга

Лоран

11 мая 183...

Господину Лорану де Фовелю

Во-первых, дорогой Лоран, если вы в самом деле питаете ко мне дружеские чувства, я требую, чтобы вы не делали слишком часто глупости, которые вредят вашему здоровью. Все остальные я вам разрешаю. Вы сейчас потребуете, чтобы я привела в пример хоть одну из них, и я окажусь в большом затруднении, потому что, насколько мне известно, безвредных глупостей очень мало. Остается узнать, что вы называете глупостями. Если это те бесконечные ужины, о которых вы мне говорили на днях, то, по-моему, они вас убивают, и для меня это очень огорчительно. Боже мой! О чем вы думаете, когда с легким сердцем разрушаете свою жизнь, такую драгоценную и прекрасную? Но вы не выносите проповедей: я ограничусь мольбой.

Что касается вашего англичанина, который на самом деле американец, то я только что его видела, и, так как мы с вами не встретимся ни сегодня вечером, ни, может быть, к моему большому сожалению, и завтра, я должна сказать вам, что вы напрасно не захотели написать его портрет. Он предложил бы вам за него баснословную цену, а баснословная цена для такого американца, как Дик Палмер, – это много банковских билетов, которые нужны вам как раз для того, чтобы не делать глупостей, то есть чтобы не играть в азартные игры в надежде на какое-то необыкновенное везение. А ведь людям с богатой

фантазией никогда не везет, потому что люди с богатой фантазией не умеют играть, они всегда проигрывают, и им приходится потом требовать от своей фантазии, чтобы она заплатила их долги, – занятие, для которого не создана эта принцесса, – она может сделать это, лишь воспламенив бедное тело, свое обиталище.

Я как-то вам весьма практичной, не так ли? Мне все равно. Впрочем, если мы рассмотрим этот вопрос с более возвышенной точки зрения, то все доводы, которые вы привели вашему американцу и мне, не стоят ни гроша. Вы не умеете писать портреты, это возможно, это даже достоверно, если их нужно писать так, чтобы понравиться мещанам; но господин Палмер совсем не требовал этого. Вы сочли его за мелочного торговца и ошиблись. Это человек с верными суждениями и со вкусом, который понимает в искусстве и восхищается вами. И, конечно же, я приняла его хорошо! Он пришел ко мне, потому что ему некуда было больше идти, я это отлично заметила и была ему за это благодарна. И потому-то я и утешила его, обещав сделать все возможное, чтобы уговорить вас написать его портрет. Мы побеседуем об этом послезавтра, потому что я просила этого самого Палмера прийти послезавтра вечером, чтобы он помог мне хлопотать о его собственном деле и тут же заручился вашим обещанием.

Итак, дорогой Лоран, мы с вами увидимся только через два дня. Развлекайтесь, как можете; для вас это будет нетрудно, вы знаете многих интересных людей и вращаетесь в высшем свете. Я же всего лишь старая ворчунья, которая очень вас любит, закликает вас не всякую ночь ложиться поздно и советует вам не предаваться излишествам и ничем не злоупотреблять. Вы на это не имеете права: ведь гений обязывает!

Ваша приятельница

Тереза Жак

Мадемуазель Терезе Жак

Дорогая Тереза, через два часа я уезжаю за город с графом С... и князем Д... Как меня уверяют, там будет много молодежи и красивых женщин. Обещаю и клянусь вам не делать глупостей и не пить шампанского... А если выпью, буду в этом горько раскаиваться! Что делать! Я бы, конечно, предпочел прохаживаться по вашей большой мастерской и болтать чепуху в вашей маленькой сиреневой гостиной; но так как вы уединились с тремя десятками родственников из провинции, вы, конечно, и послезавтра не заметите моего отсутствия: весь вечер ваш слух будет услаждаться англо-американским акцентом. А! Его зовут Дик, этого славного господина Палмера? Я думал, что Дик – это уменьшительное от Ричарда! Правда, из языков я знаю только французский, да и то не бог весть как.

О портрете же не будем больше говорить. Вы проявляете материнские чувства, когда печетесь о моих интересах в ущерб вашим, в тысячу раз больше, чем следует. Хотя у вас и много заказчиков, я знаю, что ваша щедрость не позволяет вам разбогатеть, и несколько лишних банковских билетов будут гораздо более на месте в ваших, нежели в моих руках. Вы осчастливите ими многих, а я, как вы сами говорите, брошу их на игорный стол.

К тому же сейчас у меня совсем нет настроения заниматься живописью. Для этого нужно две вещи, обе они есть у вас: вдумчивость и вдохновение; первой у меня никогда не будет, а второе у меня было. И оно мне опротивело, как безумная старуха, измучившая меня тем, что заставляла скакать по полям на тощем крупе своего апокалипсического коня. Я очень хорошо понимаю, чего мне не хватает; быть может, вы с этим не согласитесь, но я еще недостаточно насладился жизнью, и я уезжаю дня на три или на неделю с госпожой Действительностью в образе нескольких нимф из оперного кордебалета. Надеюсь, что по возвращении я стану самым совершенным светским человеком, то есть самым пресыщенным и самым рассудительным.

Ваш друг

Лоран

I

Взглянув на письмо, Тереза сразу поняла, что оно было продиктовано досадой и ревностью.

«И все-таки он не влюблен в меня, – подумала она. – Нет, нет. Он, конечно, никогда ни в кого не влюбится, а уж в меня и подавно».

Перечитывая письмо и размышляя, Тереза боялась солгать самой себе, пытаясь уверить себя в том, что возле нее Лоран не подвергается опасности.

«Какая тут опасность? – думала она. – Страдать от неосуществившейся прихоти? Но разве можно сильно страдать из-за прихоти? Не знаю. У меня никогда не было прихотей!»

Было уже пять часов пополудни. И Тереза, спрятав письмо в карман, велела принести себе шляпу, отпустила на целые сутки слугу, отдала распоряжения своей служанке, старой Катрин, и села в фиакр. Два часа спустя она вернулась в сопровождении худенькой женщины небольшого роста, немного сгорбленной, лицо которой было закрыто такой густой вуалью, что даже кучер его не разглядел. Тереза заперлась с этой таинственной особой, и Катрин подала им легкий, но очень вкусный обед. Тереза ухаживала за своей гостьей, угощала ее, а та не спускала с нее восхищенных глаз и в упоении забывала о еде.

Тем временем Лоран готовился к увеселительной поездке, о которой сообщил Терезе в письме; но когда князь Д... заехал за ним, чтобы увезти его в своем экипаже, Лоран сказал, что по непредвиденному делу он должен задержаться в Париже еще часа на два и что вечером он сам приедет к князю в его загородный дом.

Ничто, однако, не задерживало Лорана. Он оделся с лихорадочной поспешностью. Велел тщательно причесать себя. А потом бросил на кресло фрак и запустил пальцы в свои слишком ровно расчесанные кудри, не думая о том, какой это придаст ему вид. Он расхаживал по мастерской то быстрыми, то медленными шагами. Когда князь Д... уехал, раз десять взяв с него обещание, что он поторопится и скоро тоже уедет из Парижа, Лоран сбежал за ним по лестнице, намереваясь просить его подождать и сказать ему, что он бросит все дела и поедет с ним. Но, так и не остановив князя, он прошел к себе в спальню и бросился на кровать.

«Почему она отказывает мне от дома на целых два дня? Здесь что-то нечисто! А если она и приглашает меня на третий день, то только для того, чтобы я встретился у нее с англичанином или американцем, с которым я вовсе не знаком! Но она его, конечно, знает, этого Палмера, раз она называет его по имени! Почему же он тогда спрашивал у меня ее адрес? Что это, притворство? К чему ей притворяться со мной? Я не любовник Терезы, я не имею на нее никаких прав! Любовник Терезы! Конечно, я никогда им не стану! Боже упаси! Женщина старше меня на пять лет, если не больше! Кто знает возраст женщины, а в особенности такой, о которой никто ничего не знает? Такое таинственное прошлое, должно быть, скрывает какой-то невероятно глупый поступок, быть может, позор, прикрытый видимостью приличий. И при всем том она синий чулок, или слишком набожная, или это женщина-философ – кто знает? Она говорит обо всем так беспристрастно, с такою терпимостью или же так, как будто это ее вовсе не касается... Бог знает, во что она верит, во что не верит, чего она хочет, что любит, и вообще способна ли она любить?»

К Лорану зашел его приятель Меркур, молодой критик.

– Я знаю, вы уезжаете в Монморанси, – сказал он. – Поэтому я зашел только на минутку, чтобы спросить у вас один адрес – адрес мадемуазель Жак.

Лоран вздрогнул.

– А какого дьявола вам нужно от мадемуазель Жак? – ответил он, делая вид, что ищет бумагу, чтобы свернуть сигарету.

– Мне? Ничего не нужно... Хотя нет! Я бы очень хотел познакомиться с ней; я знаю ее только в лицо и понаслышке. Я спрашиваю ее адрес по просьбе одного человека, который хочет заказать ей свой портрет.

– Вы знаете мадемуазель Жак в лицо?

– Черт побери! Она теперь знаменитость, кто же не обратит на нее внимание? Она просто создана для этого!

– Вы находите?

– Ну а вы?

– Я не знаю, право. Мы с ней большие друзья, поэтому мне трудно судить.

– Вы с ней большие друзья?

– Да, видите, я сам так говорю, а это доказывает, что я за ней не ухаживаю.

– Вы с ней часто видитесь?

– Иной раз видимся.

– Так, значит, вы только ее преданный друг?

– Ну да, в какой-то степени... Почему вы смеетесь?

– Потому что я этому не верю; в двадцать четыре года нельзя быть только преданным другом женщины... молодой и красивой!

– Ну вот еще! Она не так молода и не так красива, как вы утверждаете. Это хороший товарищ, на нее приятно смотреть, вот и все. Впрочем, она не в моем вкусе, и я принужден прощать ей то, что она блондинка. Блондинок я люблю только на полотне.

– Не такая уж она блондинка! У нее бархатистые черные глаза, волосы ее скорее каштановые, и она их как-то оригинально причесывает. Впрочем, это ей идет, она похожа на добродушного сфинкса.

– Это хорошо сказано; но... вы ведь любите высоких женщин!

– Она не слишком высокая, у нее маленькие ножки и ручки. Это настоящая женщина. Я подолгу смотрел на нее, потому что я в нее влюблен.

– Вот как? Что это вы придумали?

– Вам же это безразлично; ведь как женщина она вам не нравится?

– Дорогой мой, даже если бы она мне и нравилась, это ничего бы не изменило. Тогда я постарался бы еще больше сблизиться с ней, но я бы не влюбился – я вообще не влюбляюсь, а значит, и не ревновал бы. Попробуйте счастья, раз вам так хочется.

– Я? Попытаю, если представится случай. Но у меня нет времени искать его. Да, в сущности, я такой же, как и вы, Лоран. Я могу терпеливо ждать, тем более что в мои годы и в обществе, в котором я вращаюсь, нет недостатка в развлечениях... Но раз уж мы говорим об этой женщине и раз уж вы ее знаете, скажите мне... – уверяю вас, с моей стороны это чистое любопытство – она вдова или...

– Или кто?

– Я хотел сказать: она вдова любовника или мужа?

– Понятия не имею.

– Не может быть!

– Честное слово, я у нее не спрашивал. Мне это так безразлично!

– Знаете, что о ней говорят?

– Нет, это меня мало интересует! Так что же говорят?

– Вот видите, это вас все-таки интересует! Говорят, она была замужем за человеком богатым и титулованным.

– Замужем...

– Самым настоящим образом. Брак ее был засвидетельствован господином мэром и освящен господином кюре.

– Что за глупости! Тогда она носила бы имя и титул своего мужа.

– А! Вот в том-то и дело! Здесь какая-то тайна. Когда у меня будет время, я разужнаю это и расскажу вам. Говорят, у нее нет постоянного любовника, хотя живет она очень свободно. Впрочем, вы-то ведь должны знать все это?

– Ровно ничего не знаю. Вы что, думаете, я только и делаю, что наблюдаю за женщинами и спрашиваю их? Я не такой волокита, как вы! По-моему, жизнь так коротка... Едва хватает времени, чтобы жить и работать.

– Жить... не спорю. Вы, кажется, живете вовсю. Что же касается работы, говорят, вы не слишком себя утруждаете. А ну-ка, что это у вас здесь? Покажите-ка!

– Нет, тут ничего нет, ничего начатого.

– Да вот, например, эта головка... Это прекрасно, черт побери! Дайте же посмотреть, иначе я выругаю вас в следующей своей статье о Салоне.

– Конечно, с вас станется!

– Ну да, если вы этого заслужите; но эта голова великолепна, ею можно только глупо восхищаться. Что это будет?

– Почему я знаю!

– Хотите, я скажу вам?

– Буду очень рад.

– Сделайте из этого сивиллу. У нее может быть любая прическа, это ни к чему не обязывает.

– А верно, ведь это идея!

– И потом, вы не скомпрометируете особу, на которую она похожа.

– Разве она похожа на кого-нибудь?

– Черт побери! Вы что, шутите? Думаете, я не узнаю ее? Послушайте, мой милый, вы надо мной смеетесь, вы отрицаете все, вплоть до самых очевидных вещей. Вы возлюбленный этой женщины!

– Доказательством может служить то, что я еду в Монморанси! – холодно ответил Лоран, берясь за шляпу.

– Одно другому не мешает! – заметил Меркур.

Лоран вышел, и Меркур, спустившийся по лестнице вместе с ним, видел, как он сел в фиакр; но Лоран велел кучеру ехать в Булонский лес, где он пообедал один в маленьком кафе и откуда вернулся в сумерках пешком, погруженный в свои мечты.

Булонский лес был в то время не таким, как теперь. Он был гораздо меньше, запущеннее, беднее, таинственнее, в нем вы чувствовали себя ближе к природе и могли предаваться мечтам.

К Елисейским полям, не таким роскошным и не так густо населенным, как теперь, примыкали новые кварталы, где еще сдавались по недорогой цене домики с очень уютными садиками. Там можно было жить и работать.

В одном из этих белых, чистеньких домиков, среди цветущей сирени, за высокой живой изгородью из боярышника с выкрашенной в зеленый цвет калиткой жила Тереза. Был май. Погода стояла великолепная. Каким образом Лоран очутился в девять часов вечера у этой изгороди на пустынной незастроенной улице, где еще не было фонарей и по краям которой еще росла крапива и сорная трава, – он сам затруднился бы объяснить.

Живая изгородь была очень густая, и Лоран бесшумно ходил вдоль нее, не видя ничего, кроме листьев, озаренных золотистым светом лампы, стоявшей, как он предполагал, в саду на маленьком столике – за этим столиком Лоран имел обыкновение курить, когда проводил вечер у Терезы. Значит, в саду кто-то курил? Или там пили чай, как это иногда бывало? Но Тереза сказала Лорану, что ждет целую семью из провинции, а до него доносился только таинственный шепот двух голосов, из которых один, как ему казалось, был голосом Терезы. Другой голос говорил совсем тихо; неужели это был мужской голос?

Лоран слушал до тех пор, пока у него не зазвенело в ушах; наконец он услышал – или ему это показалось? – слова Терезы:

– Какое мне до всего этого дело? У меня теперь только одна любовь на свете, и это вы!

«Ну, теперь я совершенно спокоен, – подумал Лоран, поспешно уходя с пустынной улицы и возвращаясь на шумные Елисейские поля. – У нее есть возлюбленный! Впрочем, она совсем не обязана была сообщать мне об этом!.. Только напрасно она при всяком удобном случае намекала мне, что она никому не принадлежит и не хочет никому принадлежать. Эта женщина такая же, как и все остальные: прежде всего ей нужно лгать. Но мне-то не все ли равно? Однако же я бы никогда этому не поверил! И, конечно, хотя я в этом себе не признавался, она немного вскружила мне голову, раз я подслушивал здесь! Ведь только ревность может извинить такой подлый поступок! Но я не могу особенно раскаиваться: это спасло меня от пренеприятной истории, я чуть было не остался в дураках – начал мечтать о женщине, ничуть не более соблазнительной, чем другие, да к тому же еще и неискренней».

Лоран остановил проезжавший мимо пустой фиакр и поехал в Монморанси. Он дал себе слово провести там неделю и не появиться у Терезы раньше чем через две. Однако он пробыл за городом только два дня, а на третий, вечером, уже подходил к дверям домика Терезы, как раз в ту же минуту, что и господин Ричард Палмер.

– О, как я рад вам видеть, – сказал американец, протягивая ему руку.

Лорану пришлось тоже протянуть руку, но он не смог удержаться и спросил у господина Палмера, почему тот так рад его видеть.

Иностранец не обратил внимания на довольно дерзкий тон художника.

– Я рад, потому что мне нравится вы, – ответил он с обезоруживающей сердечностью, – а мне нравится вы, потому что я восхищаюсь вы!

– Как? Вы здесь? – удивленно спросила Тереза, обращаясь к Лорану. – А я сегодня вас и не ждала.

И Лорану показалось, что в этих простых словах прозвучал необычный холодок.

– Ах, вы легко бы примирились с моим отсутствием, – ответил он тихо, – и я боюсь, что нарушаю вашу очаровательную встречу.

– Это тем более жестоко с вашей стороны, – возразила она все тем же игривым тоном, – что вы, кажется, сами хотели оставить нас вдвоем.

– Вы на это рассчитывали, раз не отменили сегодняшней встречи! Так мне уйти?

– Нет, оставайтесь. Придется как-нибудь перенести ваше присутствие.

Американец, поклонившись Терезе, достал свой бумажник и вынул оттуда письмо, которое ему поручили ей передать. Тереза с невозмутимым видом пробежала его глазами, не сказав ни слова.

– Если хотите ответить, – сказал Палмер, – то у меня есть оказия в Гавану.

– Спасибо, – сказала Тереза, выдвигая ящик маленького столика, стоящего возле нее, – я не собираюсь отвечать.

Лоран, следивший за всеми ее движениями, увидел, что она положила это письмо вместе с несколькими другими, из которых одно бросилось ему в глаза – он узнал форму конверта и надпись. Это было письмо, посланное им Терезе два дня тому назад. Не знаю почему, ему было неприятно видеть это письмо рядом с тем, которое только что передал Терезе Палмер.

«Она дает мне отставку, – подумал он, – вместе со всеми своими неудачливыми воздыхателями. Но ведь я не имею права на такую честь. Я никогда не говорил ей о любви».

Тереза завела речь о портрете Палмера. Лоран упрямылся, следя за каждым взглядом и каждой интонацией своих собеседников; ему все казалось, что они тайно боятся, как бы он не уступил; но они настаивали так искренне, что он успокоился и устыдился своих подозрений. Если Терезу что-то и связывало с этим иностранцем, то ведь она была свободна, жила одна, ни перед кем не имела обязательств и всегда презирала людскую молву. Зачем ей был такой

предлог, как этот портрет? Разве не могла она и без того часто и подолгу принимать у себя предмет своей любви или прихоти?

Как только Лоран успокоился, он перестал стесняться.

– Так вы американка? – с любопытством спросил он Терезу, время от времени переводившую на английский язык те реплики, которые Палмер не вполне понимал.

– Я? – ответила Тереза. – Разве я не говорила вам, что имею честь быть вашей соотечественницей?

– Но вы так хорошо говорите по-английски!

– Откуда вам знать, хорошо ли я говорю, раз вы сами не знаете по-английски. Но я понимаю, в чем дело, потому что мне известно: вы любопытны. Вы хотите спросить, знакома ли я с Диком Палмером со вчерашнего дня или уже с давних пор. Ну так спросите у него.

Палмер не стал ждать вопроса, который Лоран вряд ли решился бы ему задать. Он ответил, что уже не в первый раз во Франции и что он встречал Терезу у ее родственников, когда она была еще совсем девочкой. У каких родственников – не объяснил. Тереза часто говорила, что она не знала ни отца, ни матери.

Прошлое мадемуазель Жак было непроницаемой тайной как для светских людей, с которых она писала портреты, так и для немногочисленных художников, бывавших у нее в доме. Никто не знал, откуда, когда и с кем приехала она в Париж. О ней заговорили всего два или три года тому назад: написанный ею портрет был замечен людьми со вкусом и даже признан работой подлинного мастера. Так из бедной художницы, известной лишь среди ее немногочисленной клиентуры и ведущей скромную жизнь, она вдруг превратилась в мастера с первоклассной репутацией; она перестала стесняться в средствах, но не изменила ни своим скромным вкусам, ни своей любви к независимости, ни шутилой строгости своих манер. Она никогда не рисовалась и, говоря о себе, лишь выражала свои взгляды и чувства с большой искренностью и смелостью. Когда же ей задавали вопросы о ее жизни, она умела уклоняться от них, пропускать их мимо ушей, и это избавляло ее от необходимости отвечать. Если собеседник считал возможным настаивать, то обычно после нескольких неопределенных фраз она говорила:

– Да что там толковать обо мне! В моей жизни не было ничего интересного, что я могла бы рассказать; если у меня и были горести, я уже не помню о них, потому что мне некогда о них думать. Теперь я очень счастлива: ведь у меня есть работа, а работу я люблю больше всего.

Лоран познакомился с мадемуазель Жак случайно – оба они работали в одном и том же жанре. Как дворянин и как выдающийся художник, Фовель пользовался успехом и в свете, и в артистическом мире и поэтому в двадцать четыре года приобрел уже такой жизненный опыт, который не все имеют в сорок лет. Он то гордился этим, то огорчался; но у него совсем не было опыта в сердечных чувствах: такой опыт нельзя приобрести, ведя столь рассеянную жизнь. Так как он всегда хотел казаться скептиком, то прежде всего решил, что все, к кому Тереза относится дружески, должны быть ее любовниками, и только потом, когда все они по очереди убеждали его в чистоте своих отношений с нею, он стал считать ее женщиной, которая, может быть, и испытала страстную любовь, но вряд ли соглашается на легкие связи.

С тех пор его стало мучить жгучее любопытство: ему хотелось узнать причину этого странного явления: молодая, красивая, умная женщина совершенно свободна и по своей воле живет в одиночестве. Он стал бывать у нее все чаще и чаще и наконец почти ежедневно, сначала под всякими предлогами, потом – выдавая себя за приятеля, с которым не нужно церемониться, слишком легкомысленного, чтобы ухаживать за серьезной женщиной, и все-таки в достаточной мере идеалиста, чтобы стремиться внушить к себе привязанность и ценить бескорыстную дружбу.

В сущности, все это так и было, однако в сердце молодого человека вкралась любовь, и мы видели, как Лоран боролся с охватившим его чувством, которое он пока еще хотел скрыть от Терезы и от себя самого, тем более что это чувство он испытывал впервые в жизни.

– Но в конце концов, – сказал он после того, как обещал Палмеру попытаться исполнить его просьбу, – портрет ведь может оказаться неудачным; так почему же, черт вас возьми, вы так настаиваете на том, чтобы я писал его, когда вы знаете мадемуазель Жак? Она, конечно, не откажется написать ваш портрет, причем наверняка превосходный.

– Она мне отказывает, – чистосердечно ответил Палмер, – и не знаю почему. Я обещал своей матери, которая имеет слабость считать меня очень красивым, портрет кисти мастера, и, если он будет слишком близок к действительности, он покажется ей непохожим. Вот почему я и обратился к вам, как к мастеру романтической живописи. Если вы мне откажете, я буду огорчен, потому что не смогу доставить эту радость матери, или мне придется снова искать кого-то.

– Долго искать не придется; есть столько людей способнее меня!..

– По-моему, вы не правы. Но если даже предположить, что я найду такого художника, вовсе не известно, свободен ли он сейчас, а я спешу, мне надо срочно отослать портрет. Мать должна получить его ко дню моего рождения, через четыре месяца, а пересылка займет около двух.

– Это значит, Лоран, – добавила Тереза, – что вам надо написать портрет самое большее за шесть недель, а так как я знаю, сколько вам на это требуется времени, вам нужно начинать завтра. Ну, так решено, вы обещаете, правда?

Палмер протянул Лорану руку:

– Значит, контракт заключен. Не будем говорить о деньгах; гонорар назначит мадемуазель Жак, я в это вмешиваться не буду. В котором часу мне завтра прийти?

Они условились о часе; Палмер взял свою шляпу, и Лоран из уважения к Терезе собрался было тоже уходить, однако Палмер не обратил на это никакого внимания и вышел, пожав руку мадемуазель Жак, но не поцеловав ее.

– Мне тоже уйти? – спросил Лоран.

– Не обязательно, – ответила она, – вечером ко мне могут прийти только хорошие знакомые. Но сегодня вы уйдете в десять часов, потому что в последние дни я, забывая о времени, болтала с вами почти до полуночи, а так как я всегда просыпаюсь в пять часов утра, то чувствовала себя очень усталой.

– И вы все-таки не прогоняли меня?

– Нет, мне это и в голову не приходило.

– Если бы я был фатом, я бы возгордился.

– Но вы, слава богу, не фат, вы предоставляете эту роль глупцам. Однако же послушайте, комплимент комплиментом, а я должна вас пожуричь. Говорят, вы не работаете.

– Так это для того, чтобы заставить меня работать, вы как с ножом к горлу пристали ко мне с этим портретом Палмера?

– А почему бы и нет?

– Я знаю, вы добрая, Тереза, вы хотите силой заставить меня зарабатывать на жизнь.

– Я не спрашиваю вас о ваших средствах, у меня нет на это права. Я не имею счастья... или несчастья быть вашей матерью, но я ваша сестра... во Аполлоне, как говорит наш классик Бернар, и я не могу не огорчаться, когда на вас находит приступ лени.

– Но вам-то что до этого? – воскликнул Лоран, обрадовавшись и вместе с тем досадуя. Тереза угадала его чувства и ответила ему откровенно:

– Послушайте, милый Лоран, – сказала она, – нам надо объясниться. Я ваш большой друг.

– Я очень горжусь этим, но почему – сам не знаю!.. Из меня даже друга не выйдет, Тереза! Я не верю в дружбу между мужчиной и женщиной, так же как не верю и в любовь.

– Вы мне уже это говорили, и мне совершенно безразлично, что вы не верите. Ну, а я верю в то, что чувствую, я к вам привязана, я принимаю в вас участие. Такой уж я человек: если возле меня есть какое-нибудь существо, я обязательно привязываюсь к нему и хочу, чтобы оно

было счастливо. И я привыкла делать для этого все, что могу, не заботясь о том, благодарно ли мне это существо. Ну, а вы-то ведь не кто-нибудь, вы человек гениальный, и я надеюсь, что и благородный человек.

– Я благородный человек? Да, если вы понимаете это так, как это принято понимать в свете. Я умею драться на дуэли, платить свои долги и защищать женщину, которую веду под руку, какова бы она ни была. Но если вы думаете, что у меня нежное, любящее, простое сердце...

– Я знаю, вы хотите казаться старым, потрепанным и порочным. Меня это несколько не трогает. Сейчас это в моде, и допустим, что это вам идет. У вас это болезнь, быть может, неподдельная и мучительная, но она пройдет, как только вы этого захотите. У вас есть сердце, хотя бы потому, что вы страдаете от пустоты в своем сердце; но придет женщина и заполнит ее, если сумеет и если вы не будете ей мешать. Однако это уже другая тема; сейчас я обращаюсь к художнику: как человек вы несчастливы потому, что как художник вы недовольны собой.

– Нет, вы ошибаетесь, Тереза, – с живостью возразил Лоран. – Как раз наоборот! Это человек страдает в художнике и душил его. Видите ли, я не знаю, что с собой делать. Меня убивает скука. Отчего я скучаю? Кто знает? От всего. Я не умею, как вы, быть внимательным и спокойным, работая по шесть часов подряд, не умею, прогулявшись по саду и покормив хлебом воробьев, снова браться за работу и писать еще четыре часа и потом вечером улыбаться двум-трем докучным посетителям, вроде меня, например, пока не наступит время ложиться спать. Я же сплю плохо, на прогулках я не спокоен, работаю лихорадочно. Всякий новый замысел смущает меня, бросает в дрожь: когда я выполняю его, на мой взгляд всегда слишком медленно, у меня начинается страшное сердцебиение, и в слезах, едва сдерживаясь, чтобы не кричать, я воплощаю на полотне идею, которая опьяняет меня, но уже на следующее утро я стыжусь ее, и она вызывает во мне отвращение. Если я пытаюсь преобразить ее, тогда дело плохо, она покидает меня; лучше забыть ее и ждать, пока появится другая. Но эта другая является мне такой неясной и такой необъятной, что мое бедное существо не может ее вместить. Она подавляет и мучит меня до тех пор, пока не воплощается в нечто такое, что я могу передать на полотне, – а тут уж вновь возвращаются муки, сопровождающие рождение моей картины, настоящие физические муки, которых я не в силах объяснить. Вот как протекает моя жизнь, если я даю власть над собой этому художнику-гиганту, которого я ношу в себе и из которого тот жалкий человек, что говорит сейчас с вами, акушерскими щипцами своей воли извлекает лишь тощих полумертвых мышей! А поэтому, Тереза, лучше мне жить так, как я живу, предаваться всякого рода излишествами и убить этого точащего меня червя, которого мои собратья скромно называют вдохновением, а я называю просто немощью.

– Значит, решено и подписано, – улыбаясь, сказала Тереза, – вы хотите довести ваш дух до самоубийства? Ну, так я ничуть в это не верю. Если бы завтра вам предложили стать князем Д... или графом С..., обладать миллионами одного и великолепными лошадьми второго, вы сказали бы, имея в виду столь презираемую вами палитру: *Верните вы мне милую мою!*

– Презираемую мною палитру? Вы меня не понимаете, Тереза! Палитра – орудие славы, я это прекрасно знаю, а то, что называют славой, – это уважение, воздаваемое таланту, более чистое и более утонченное, чем то, которое воздается званию или богатству. А поэтому я очень горд и доволен тем, что могу сказать себе: «Я только мелкий дворянин без состояния; такие дворяне, как я, которые не хотят нарушать традиций своего сословия, ведут жизнь лесничих и волокутся за встреченными в лесу крестьянками, которым они платят вязанками хвороста. Ну а я нарушил традиции, я избрал себе профессию, мне всего двадцать четыре года, и все-таки, когда я проезжаю верхом на взятой напрокат в манеже лошадке среди первых богачей и первых красавцев Парижа, лошади которых стоят по десять тысяч франков, то если среди зевак, сидящих на террасах Елисейских полей, есть человек со вкусом или умная женщина,

они смотрят на меня, называют мое имя и не обращают внимания на других». Вы смеетесь!
Вы считаете меня очень тщеславным?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.